

УДК 82.0

ЗВЕРЬ КАК МАРКЕР АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЧЕЛОВЕКА: ФОРМЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Ключевые слова: зверь, носитель человеческих пороков, образец для подражания, мера оценки моральных качеств, сторонний наблюдатель, выразитель авторской позиции.

В статье рассматриваются основные формы репрезентации зверя как маркера аксиологической характеристики человека: 1) как носитель человеческих пороков; 2) как образец для подражания; 3) как мера оценки моральных качеств человека; 4) как сторонний наблюдатель человеческих нравов; 5) как выразитель авторской позиции.

Аксиология – «учение о ценностях» [7, с. 7] (др. греч. «аксиос» – ценностный, «логос» – учение). Ценности – добро, справедливость, любовь и т. д. Обычно говорят о положительных ценностных качествах личности. Но они лучше осознаются на фоне отрицательных характеристик. Оценка тех или иных качеств человека может быть высказана прямо, а может и опосредованно, с помощью условных форм. Так, нередко в литературе маркером аксиологической характеристики человека выступает образ зверя. В качестве основных форм репрезентации зверя как маркера аксиологической характеристики человека можно выделить следующие: 1) зверь – носитель человеческих пороков; 2) образец для подражания; 3) мера оценки моральных качеств человека; 4) сторонний наблюдатель человеческих нравов; 5) выразитель авторской позиции.

1. Зверь как носитель человеческих пороков. Сказочные персонажи могут выступать для юных читателей как примеры (носители положительных качеств) и как антипримеры (носители отрицательных качеств). Скажем, в русских народных сказках лиса – воплощение хитрости, волк – жестокости, заяц – трусости и т. п. Если в народной сказке качества характера чаще всего подаются изолировано от социальной принадлежности героев, то в литературных произведениях социальный статус подразумевает наличие определенных (чаще всего отрицательных) черт характера.

Под образами зверей подразумеваются люди определенных социальных слоев, наделенные чертами характера, свойственными представителям конкретных сословий и должностей. Именно звериные маски помогают наиболее заостренно демонстрировать недостатки и пороки общества. Многие произведения, ставшие классическими, отражают государственный строй целой страны. Так, в старофранцузском средневековом «Романе о Лисе», отражающем быт и нравы средневековья, хитрый лис Ренар – олицетворение своевольного феодала, живущего в разладе с социумом; в сказке «Орел-меценат» русского писателя М.Салтыкова-Щедрина аллегорически представлена феодально-крепостническая система царской России, где орлы – помещики, а вороны – крестьяне; в повести-притче «Скотный двор» английского писателя Дж.Оруэлла показано тоталитарное общество; роман «Житейские воззрения кота Мурра» немецкого писателя-романтика Э.Т.А. Гофмана – сатирическая пародия на все немецкое общество начала XIX в. (дворянство, бюргерство, духовенство).

В романе российского писателя конца XX века В. Пелевина «Жизнь насекомых» показаны разные типы людей в виде насекомых, отражающих истинную сущность индивидов: «новые русские», стремящиеся наладить бизнес по продаже крови, изображены комарами, а отец и сын, для которых весь мир – навозный шар, предстают в виде жуков-скарабеев и т. п. В романе «Белка» российско-корейский писатель А.Ким изображает мир людей-оборотней, животная ипостась которых также воплощает их истинную сущность – вырождение как людей, лишенных духовности. Это особи с моралью свирепых догов, паразитирующих обезьян, а в центре повествования находится человек-белка, мучительно переживающий свою неполноценность.

Во многих произведениях зверь – не просто носитель определенной отрицательной черты характера или комплекса таких черт, а олицетворение злого начала в человеке. Так, в рассказе «Дракон» Е.Замятин отмечает, что приход к власти большевиков искажил сущность людей: петербуржцы сравниваются с драконами, а красноармеец предстает в образе дракона с винтовкой. В пьесе Е.Шварца «Дракон» под образом Дракона автор подразумевает то зло, которое есть в душе человека. Главная задача – в каждом убить дракона, то есть победить зло в собственной душе.

2. Зверь как образец для подражания. Персонажи-животные в литературе выступают не только в качестве кривого зеркала на все человечество, но и примером для подражания, что является ближе к истине, причем не только в литературе, но и в реальной жизни. Так, если в сказке английского писателя Р. Киплинга «Маугли» обезьяны – сатира на человечество, то остальные животные ведут себя зачастую лучше людей: они, в отличие от людей, не убивают себе подобных, а

если и вынуждены убивать слабых особей, то только ради пропитания. В «Песне о зубре» белорусский поэт эпохи Возрождения Н. Гусовский сосредотачивает внимание на гармоничных отношениях в семье зубров, призывая людей к гуманным взаимоотношениям: *“Вернасць у парах зубрыных адной толькі смерцю можа парушыцца”* [6, с. 25].

В романе французского писателя Б. Вербера «Муравьи» представлено существование двух параллельных цивилизаций – муравьев и людей. Автор не подразумевает под муравьями людей, более того, он представляет муравьев как эталон для подражания. Сила муравьев в их единстве; поступками муравьем движут не личные интересы, а коллективные: *«отрубленная голова еще попытается быть полезной другим, кусая вражеские ноги»* [5, с. 156]. Именно муравьев в рассказе В. Быкова «Муравьи» Бог рассматривает как альтернативную замену человечества, уничтожившее само себя.

В романе «Остров пингвинов» французский писатель А. Франс подчеркивает, что пингины до превращения в людей показали себя более разумными существами, чем люди, а деградировать начали только после превращения: *«Будучи птицами, они ссорились друг с другом только в пору любви. А теперь они враждуют во всякое время»* [11, с. 188].

В научно-фантастическом социально-сатирическом романе «Планета обезьян» французский писатель П. Буль противопоставляет антропоморфизированных обезьян и зооморфизированных людей, меняя их местами. С одной стороны, на примере обезьяньего общества П. Буль показывает некоторые негативные черты человеческой цивилизации, например, повествователь отмечает, что и *«у нас тоже были свои орангутанги, составлявшие идиотские программы, оглулявшие молодежь»* [4, с. 112]. Но в некоторых аспектах обезьянья цивилизация совершеннее человеческой, скажем, приматы не воюют: здесь нет расовой ненависти и борьбы. Относительно данного факта можно говорить, что обезьянья цивилизация выступает как пример для человеческого общества.

В сатирико-фантастическом романе английского писателя XVIII в. Дж. Свифта «Путешествия Гулливера» главный герой произведения Гулливер в качестве примера для подражания предлагает обществу разумных и добродетельных лошадей – гуингнмов: они не знают лжи, обмана, войны, а *«дружба и доброжелательство являются двумя главными добродетелями гуингнмов»* [8, с. 144]. Но в то же время *«перед нами стерильный и бесцветный мир, в котором не знают ни любви, ни печали, где выбор подруги жизни обусловлен заботой о сохранении масти»* [8, с. 25]. Поэтому встает вопрос, действительно ли общество, построенное исключительно на рациональной основе, является достойным примером для подражания. Ответа на это вопрос пока нет.

3. Зверь как мера оценки моральных качеств человека. Многие авторы стремятся показать степень духовности / бездуховности человека на примере его отношения к животным. Так, негативное отношение характеризует его с отрицательной стороны, а хорошее – с положительной.

Роман Ч. Айтматова «Плаха» демонстрирует пример жестокого и безжалостного отношения людей к природе. Так, массовый отстрел сайгаков нужен не потому, что была острая необходимость в пище, а для выполнения *«плана мясосдачи»* [1, с. 38], чтобы отчитаться за последний квартал пятилетки согласно поставленному плану *«перед взыскательными органами свыше»* [1, с. 39].

В романе американской писательницы С. Пеннипакер «Пакс», представлен как негативный пример поступок отца мальчика Питера, который, уходя на войну, заставляет сына бросить на обочине дороги его лучшего друга – домашнего лисенка Пакса. Для мальчика то обстоятельство, что отец решил высадить лиса в месте, где будут идти военные действия, является предательством. Особенно болезненный тот факт, что совершает его не кто-нибудь, а отец – самый близкий человек.

А вот главный герой повести В. Белова «Привычное дело» Иван Африканович Дрынов, наоборот, разговаривает со всеми животными и птицами, как с разумными существами, равными человеку, понимающими все то, что он им говорят. Повесть начинается с беседы главного героя со своим меринем Пармёном, причем главный персонаж всю дорогу домой оправдывается перед меринем за то, что выпил. Крестьянин делится с конем как с равным собеседником своими проблемами, воспоминаниями, рассказывает ему о своих делах, работе.

4. Зверь как сторонний наблюдатель человеческих нравов. Как отмечает В. Шмид, «все эти «звериные» нарраторы являются «ненадежными», неадекватно воспринимающими человеческую действительность только на первый взгляд. На самом деле повествующие животные – «зоркие наблюдатели человеческих нравов, служащие авторам орудием отстранения» [12, с. 41].

Повесть М. Булгакова «Собачье сердце» начинается с внутреннего монолога бездомного пса Шарика, страдающего от зимней стужи и раны на обваренном кипятком боку. Оценка пролетариата и интеллигенции дается именно от лица пса. Так, проводя сравнительную характеристику между пролетарскими поварами и барскими, пёс отмечает, что барский повар графов Толстых был настоящей личностью, так как готовил еду из нормальных продуктов и никогда не жалел костей для бездомных животных, а повара из Совета Нормального питания – «мерзавцы», так как *«из вонючей солонины щи варят»* [3, с. 252] и этим кормят людей, а нормальные продукты воруют. К интелли-

генции пёс, наоборот, испытывает большое уважение. При первой встрече с профессором Преображенским он подмечает, что «этот тухлой солонины лопать не станет» [3, с. 254], как простой пролетариат, так как знает себе цену и никого не боится, такому человеку не надо самоутверждаться за счет более слабых и незащитных: «Этот не станет пинать ногой» [3, с. 254]. В итоге, изображая реалии послереволюционной Москвы от лица пса, М. Булгаков в отстраненной форме выражает свое негативное отношение к происходящему в стране после прихода к власти пролетариата.

В повести Л. Толстого «Холстомер» нарратором является старый мерин, рассказывающий о своей жизни другим лошадям. Герой-повествователь замечает, что люди руководствуются в жизни не делами, а словами. Главное среди этих слов – это прилагательное «моё», причем «тот, кто про наибольшее число вещей, по этой условленной между ними игре, говорит: мое, тот считается у них счастливейшим» [10, с. 23]. Именно это слово, по словам Холстомера, заставляет людей часто лгать, притворяться не теми, кем они являются на самом деле. Подобный отстраненный взгляд на стремление людей обогатиться любой ценой, их уверенность, что это сделает их счастливыми, обнажает всю абсурдность их стремлений.

5. Зверь как выразитель авторской позиции. В произведениях философского характера, чаще всего в притчах, автор может вкладывать свои философские воззрения на мир людей в уста животных.

Так, в сказке-притче А. де Сент-Экзюпери «Маленький принц» выразителем основной мысли, которую желает донести автор, предстает Лис. Он объясняет Маленькому принцу причину одиночества людей: «У людей уже не хватает времени что-либо узнавать. Они покупают вещи готовыми в магазинах. Но ведь нет таких магазинов, где торговали бы друзьями, и потому люди больше не имеют друзей» [9, с. 67]. Лис открывает принцу самые важные ценности, какие есть в жизни человека, – любовь и дружбу. Именно из уст Лиса звучит главная мысль произведения: настоящая дружба и любовь – это крепкая связь, основанная на заботе, внимании («Твоя роза так дорога тебе потому, что ты отдал ей всю душу» [9, с. 72]) и чувстве ответственности: «Ты навсегда в ответе за всех, кого приручил» [9, с. 72]. Но все это по-настоящему можно почувствовать только сердцем: «Зорко одно лишь сердце. Самого главного глазами не увидишь» [9, с. 72].

В повести-притче «Чайка Джонатан Ливингстон» Р. Бах рассказывает о чайке, стремящейся достичь высот искусства полёта. Данная повесть-притча призывает всех людей самосовершенствоваться: «Цель жизни – поиск совершенства, а задача каждого из нас – максимально приблизить его проявление в самом себе» [2, с. 35]. Р.Бах устами чайки говорит о том, что все зависит в первую очередь от самого человека, а не от внешних обстоятельств: «Все дело в твоём выборе: ты попадешь туда, куда намерен попасть» [2, с. 40]. Говоря о чайке и от её лица, автор обращается к людям: именно «Истинному Джонатану – чайке живущей в каждом из нас» [2, с. 6] и посвящается книга.

Вывод: Зверь как маркер аксиологической характеристики человека играет большую роль во многих произведениях авторов разных стран. Именно подобный способ дает возможность продемонстрировать наиболее наглядно, что из себя представляет человек и человечество в целом. В одном случае зверь может выступать как непосредственный носитель человеческих пороков, в другом – отношение к нему служит оценкой моральных качеств самого человека. Некоторые авторы утверждают, что человеку самому есть чему поучиться у животных, подчеркивая этим негативные стороны человеческого общества. Передача права повествования животному дает писателю возможность в отстраненной форме изложить нелицеприятную правду об обществе. А если писатель стремится донести до читателей какое-либо нравственное поучение, то передача права донесения этой истины в уста животного позволяет осуществить это без прямого нравоучения.

Литература

1. Айтматов, Ч. Плаха: Роман / Ч. Айтматов. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – 416с.
2. Бах, Р. Чайка Джонатан Ливингстон; Иллюзии; Карманный справочник Мессии / Р. Бах; Перев. с англ. – М.: ООО Издательство «София», 2014. – 320 с.
3. Булгаков, М. Избранные произведения. В 2 т. Т.2. Записки покойника: Театральный роман. Повести. Рассказы / М.Булгаков. Мн.: Маст. літ., 1991. – 543 с.
4. Буль, П. Планета обезьян / П. Буль; пер. с фр. Ф. Мендельсона. – М.: Захаров, 2001. – 210 с.
5. Вербер, Б. Муравьи / Б. Вербер; пер. с фр. К. Левина. – М.: РИПОЛ классик: ГЕЛЕОС, 2008. – 352 с.
6. Гусоўскі, М. Песня пра зубра / М. Гусоўскі. – Мінск :Юнацтва, 1998. – 102 с.
7. Матвеев, П. Е. Аксиология : учеб. пособие. В 2 ч. Ч. 1. История аксиологии / П. Е. Матвеев; Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. – Владимир : Изд-во ВлГУ, 2017. – 176 с.
8. Свифт, Д. Сказка бочки. Путешествие Гулливера / Д. Свифт; перев. с англ. Вступ. ст. А. Ингера. – М.: Правда, 1987. – 480 с.
9. Сент-Экзюпери де, А. Маленький принц / А. де Сент-Экзюпери; перев. с фр. Н. Галь. – М., «Молодая гвардия», 1963. – 96с.
10. Толстой Л. Н. Собрание сочинений в двенадцати томах: Т. 11. / Л. Н. Толстой. – М.: Издат. «Правда», 1987. – 576 с.
11. Франс А. Восстание ангелов / А. Франс; пер. с фр. М. Богословский и Н. Рыковой; Остров пингвинов: пер. с фр. Дынник. – Алма-Ата: Меуктеп, 1986. – 352 с.
12. Шмид, В. Нарратология / В.Шмид. – М.: Языки славянской культуры, 2003.–312 с.

The beast as a marker of human axiological characteristics: forms of representation

Key words: beast, bearer of human vices, role model, measure of moral qualities, third-party observer, exponent of the author's position.

The article discusses the main forms of representation of the beast as a marker of axiological characteristics of the person: 1) as the bearer of human vices; 2) as a model to emulate; 3) as the measure of moral qualities; 4) as an observer of human manners; 5) as an expression of the author's position.

С.К. Бабичева, А.С. Байкова

Государственное учреждение образования «Гимназия № 1 г. Витебска имени Ж.И. Алфёрова»
e-mail: orel180608@yandex.ru

УДК 821.161.1-1.09

**ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
ЛИРИКИ МАРКА ШАГАЛА И ВЕНИАМИНА БЛАЖЕННОГО**

Ключевые слова: топос дома, топос дороги, художественное пространство, художественное время, индивидуальный стиль М. Шагала и В. Блаженного.

В статье рассматривается пространственно-временная организация лирики М.З. Шагала, В.М. Блаженного; выделены ключевые топосы дома и дороги, показаны особенности их функционирования в лирике данных поэтов; сравниваются способы пространственно-временной организации в литературном творчестве данных авторов.

Категории пространства и времени являются важными характеристиками художественных образов, основных координат художественного мира поэзии. Анализ системы пространственно-временных отношений в лирике М. Шагала и В. Блаженного позволяет определить мировосприятие авторов как представителей определённой эпохи. Литературное творчество М. Шагала и В. Блаженного представлено в работах современных литературоведов очень скупо, в то время как сопоставлением их творчества не занимались, хотя совпадение ключевых подтем очевидно.

Попытка изучения специфики пространственно-временной организации лирики М. Шагала и В. Блаженного на сравнительно-типологическом уровне дала нам возможность выявить доминирующие топосы *дома* и *дороги*, определяющие модели мира данных авторов, что помогло раскрыть идейно-художественную концепцию произведений. Изучение функционирования категорий «пространство» и «время» позволило не только увидеть общие черты лирики, но и выявить особенности индивидуального стиля М. Шагала и В. Блаженного.

В данном исследовании топос – это структурная единица хронотопа, приобретающая в то же время значение места действия.

Актуальность и новизна настоящего исследования обусловлена необходимостью дальнейшего сравнительного изучения литературного творчества поэтов возвращённой литературы, что поможет определить модели мира авторов, расширить представление о картине взаимосвязи их творчества.

Цель работы – сравнить способы пространственно-временной организации в литературном творчестве М.З. Шагала, В.М. Блаженного.

Материалом исследования послужили работы современных литературоведов, посвящённые изучению лирики М. Шагала и В. Блаженного, например: В. Аверьянова [1], К. Анкудинова [2], Д. Симановича [4].

В данной работе нами были исследованы особенности пространственно-временной организации художественного мира М. Шагала и В. Блаженного в ракурсе сравнительного анализа стихотворений из сборника «Ангел над крышами» М. Шагала (44 стихотворения) [5] и сборника «Сораспяты» В. Блаженного (417 стихотворений) [3].

В первой главе нашего исследования мы проанализировали стихи М. Шагала и выявили, что топос дома определяет формы художественного пространства и включает в себя три составляющие: *родительский дом, город, Родина*. Ключевой моделью дома и сакральным центром мира в художественном пространстве является *модель родительского дома, дома-семьи*:

Дом старый, низенькая крыша.

Темно. Окошки на запор [5].